

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

© С.Ю. МАРОЧКИН, Г.А. НЕЛАЕВА

mar@utmn.ru, nelaeva@yahoo.com

УДК 341: 343.541 (497.1)

ПРАВОТВОРЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРИБУНАЛОВ (на примере решений Международного трибунала по бывшей Югославии)

АННОТАЦИЯ. Международные трибуналы, созданные в 1990-е гг. Советом Безопасности ООН (Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) и Международный уголовный трибунал по Руанде (МУТР)), внесли вклад в развитие международного уголовного права. К их достижениям следует отнести, например, уголовное преследование изнасилований и преступлений сексуального характера. Данные деяния в международном праве рассматривались как преступления против женской непорочности или семейной чести и лишь благодаря трибуналам (в основном МТБЮ) стали считаться преступлениями против сексуальной автономии индивида, не менее серьезными, чем убийство. Анализ решений МТБЮ позволяет проследить, как изнасилования и насилиственные действия сексуального характера были квалифицированы как военные преступления (в частности, жестокое обращение, посягательство на человеческое достоинство и пытки), хотя эксплицитный запрет подобных деяний был включен лишь в ст. 5 Устава МТБЮ («преступления против человечности»). Решения трибуналов послужили основой для соответствующих положений Статута Международного уголовного суда (МУС) и примером формирования новых норм международного права с помощью судебных решений по конкретным делам.

SUMMARY. International tribunals established in the 1990s by the UN Security Council (International Tribunal for the Former Yugoslavia (ICTY) and International Criminal Tribunal for Rwanda (ICTR)) made a significant contribution in the development of international criminal law. For instance, one of their important achievements is prosecution of rape and sexual assaults. These crimes were codified in the international law as crimes against women's chastity or family honor and only because of the case-law of the tribunals (mostly, ICTY) they began to be viewed as crimes against sexual autonomy of an individual and as not less serious than a murder. The article focuses on the case-law of the ICTY where rape and sexual violence were tried as falling under the category of war crimes (namely, cruel treatment, outrages upon personal dignity and torture) even though the explicit prohibition of the crime was included only in Article 5 ("crimes against humanity") of the ICTY Statute. Decisions of the tribunals have served as a basis for provisions of the Rome Statute of the International Criminal Court (ICC) and as an example of formation of new international law norms by means of judicial decisions in particular cases.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Международное право, военные преступления, Международный трибунал по бывшей Югославии, изнасилование.

KEY WORDS. International law, war crimes, International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia, rape.

Введение. По сравнению с военными трибуналами в Нюрнберге и Токио трибуналы, созданные в 1990-е гг. (МТБЮ и МУТР) активно разбирали сексуальное насилие, квалифицировав его как преступление против человечности, пытки, преследование, порабощение, унижающее достоинство обращение, жестокое обращение и геноцид. Преступления сексуального характера рассматривались как не менее тяжелые преступления, чем убийство или пытки [1; 300-305]. МТБЮ наиболее активно судил за изнасилования. Решения МТБЮ стали толчком к более детальной разработке положений и правил процедуры и доказывания МУС.

Цель данного анализа: проследить, как именно Трибунал рассматривал изнасилования и насильственные действия сексуального характера по статьям Устава МТБЮ, затрагивающим военные преступления. Необходимо принять во внимание, что в международном праве не существовало ни определения изнасилования, ни правил процедуры и доказывания, а единственный эксплицитный запрет изнасилования содержался лишь в ст. 5 Устава, в категории преступлений против человечности (сравнительно новая категория преступлений) [2]. Трибунал опирался на положения договоров, на обычай, на решения национальных и международных судов, на общие принципы права, чтобы установить, что запрет изнасилований и иных действий сексуального характера подпадает под категорию военных преступлений [3; 200-2012].

Общие квалифицирующие признаки военных преступлений. Под военным преступлением понимают «серьезное нарушение законов или обычаев войны, влекущее за собой индивидуальную уголовную ответственность в международном праве» [4; 24]. К этой общей категории относятся деяния, предусмотренные в Женевских конвенциях 1949 г., Дополнительном протоколе I к ним (применяемом в международных вооруженных конфликтах) и другие нарушения законов и обычаев войны (применяемых как в международных, так и немеждународных конфликтах). В отличие от преступлений против человечности и геноцида (совершаемых и в мирное время), военные преступления требуют связи с вооруженным конфликтом международного или немежнационального характера. Серьезность преступления и связь преступления с вооруженным конфликтом отличает военные преступления от преступлений, запрещенных внутренним правом.

В Уставе МТБЮ (1993) военные преступления перечислены в ст. 2 («серьезные нарушения») и ст. 3 («нарушения законов и обычаев войны»). Ст. 2 более конкретная, в то время как ст. 3 «остаточная»: если преступные деяния, не перечисленные в ст. 2, относятся к обычному международному праву и влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность, они могут подпадать под действие ст. 3. Это означает, что когда против подозреваемого выдвигаются совокупные обвинения по обеим статьям Устава за одно и то же действие, то в случае, когда можно доказать нарушение ст. 2, обвинение по ст. 3 будет снято.

Военные преступления по ст.ст. 2 и 3 имеют общие квалифицирующие признаки: наличие вооруженного конфликта и связь между деяниями обвиняемого и вооруженным конфликтом. Дополнительно ст. 2 применяется в вооруженных конфликтах международного характера и во время оккупации по отношению к «покровительствуемым лицам», в то время как ст. 3 может применяться к более широкой группе гражданского населения и любой категории гражданской собственности. Дополнительно ст. 3 может применяться к комбатантам противника. Ст. 2 применяется только в международных конфликтах, в то время как ст. 3 также и в конфликтах немеждународного характера.

В деле *Prosecutor v. Tadic* (1997) были названы следующие квалифицирующие признаки ст. 3: деяние должно являться нарушением международного гуманитарного права; оно должно быть запрещено в обычном праве либо в договоре. В последнем случае должны присутствовать необходимые условия: нарушение должно быть «серьезным», т.е. являться нарушением правила, затрагивающего важные ценности, и причинять серьезные последствия для жертвы; в соответствии с обычным правом или договором оно должно влечь за собой индивидуальную уголовную ответственность лица, совершившего нарушение [5; 610].

В случае, когда обвинение основано на договоре, появляются два дополнительных требования: во-первых, договор должен быть обязательным для его сторон на тот момент, когда произошло нарушение, во-вторых, положения договора не должны противоречить императивным нормам международного права. Неважно, произошло нарушение во время международного или внутреннего конфликта [6; 132]. Трибунал также подтвердил, что другие нарушения международного гуманитарного права, не содержащиеся в ст. 3, могут считаться военными преступлениями. Следовательно, к ст. 3 могут быть отнесены любые серьезные нарушения международного гуманитарного права, если присутствуют требуемые признаки преступления.

В нескольких решениях МТБЮ рассматривает изнасилование и другие насильственные действия сексуального характера как нарушения ст. 3 (пытки, жестокое обращение, изнасилование, унижающее достоинство обращение).

При рассмотрении вопроса применимости ст. 3 Устава палате судей необходимо было ответить на вопрос, можно ли считать, что в нее входят положения ст. 3 Женевских конвенций и относятся ли эти положения к обычному международному праву*. В деле *Tadic* (1997) Судебная камера подтвердила, что «можно считать, что в ст. 3 входят все нарушения международного гуманитарного права, за исключением «серьезных нарушений» четырех Женевских конвенций, которые включены в ст. 2 (как и нарушения, включенные в ст.ст. 4 и 5, так как в некоторых аспектах ст.ст. 3, 4 и 5 совпадают)» [7; 87]. И далее: ст. 3 является «остаточной статьей, которая включает в себя все серьезные нарушения международного гуманитарного права. Ст. 3 позволяет заключить, что все серьезные нарушения международного гуманитарного права входят в юрисдикцию Трибунала». Что касается общей ст. 3 Женевских конвенций, она применяется только во внутренних конфликтах по отношению к лицам, не принимающим участия в военных действиях, а также к комбатантам, сложившим оружие.

* Ст. 3 является общей для четырех Женевских конвенций 1949 года.

Чтобы применить общую ст. 3, необходимо доказать квалифицирующие признаки «военных преступлений», что определенный запрет существует в обычном международном праве и что нарушение является «серезным» (нарушение правила, защищающего важные ценности, несущее серьезные последствия для жертвы).

Судебная камера также подчеркнула, что общая ст. 3 Женевских конвенций может подразумевать необходимость связи подозреваемого и враждующей стороны [8; 407]. В деле *Prosecutor v. Kunarac* (2001) суд посчитал, что совершенные обвиняемым преступления были тесно связаны с вооруженным конфликтом, и неважно, совершались ли данные преступления во время непосредственных военных действий. Преступления против гражданских лиц в Фоче, в частности, изнасилования, были совершены в общем контексте вооруженного конфликта и являлись нарушениями общей ст. 3. К тому же изнасилование, являясь «серезным преступлением», влечет за собой ответственность согласно обычному международному праву (которое, как было объявлено в деле *Tadic*, накладывает ответственность за серьезные нарушения общей ст. 3).

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера как жестокое обращение. В деле *Celebici* (1998) МТБЮ рассматривал действия боснийских мусульман и боснийских хорват в Боснии-Герцеговине в мае 1992 г., к которым относились нападения на гражданских лиц сербской национальности, изгнание гражданских лиц из их домов и их заключение в лагерях. В обвинительном заключении говорилось, что заключенных в лагерях «убивали, пытали, подвергали сексуальному насилию, избивали и подвергали жестокому и бесчеловечному обращению другого рода» [9; 2]. Обвинение в жестоком обращении было выдвинуто за то, что одному из потерпевших к гениталиям привязали горячий шнур, что привело к боли и серьезному вреду. МТБЮ решил, что «умышленное причинение больших страданий и серьезного вреда здоровью и физическому состоянию не обязательно совершается с определенной целью» [9; 1040].

В деле *Tadic* МТБЮ заявил, что причина включения жестокого обращения в список преступлений общей ст. 3 Женевских конвенций, основной идеей которой является гуманное отношение к лицам, не принимающим участия в военных действиях [10; 723]. В данном решении упоминается, что определения жестокого обращения в международном праве не существует, следовательно, Трибунал обращается к положениям ст. 4 Дополнительного протокола II, в которой говорится, что «нанесение вреда жизни, здоровью и физической или психической неприкосновенности личности, например пытки,увечья или любые формы телесного наказания, запрещено» [10; 725]*. Элементы преступления: намеренное действие или бездействие, которое влечет за собой серьезные пси-

* Подобные преступления запрещены в международном праве о правах человека, например, во Всеобщей декларации прав человека 1948 года. На основании этих документов, а также общей ст. 3 Женевских конвенций и ст. 4 Дополнительного протокола, Судебная камера пришла к выводу, что «жестокое обращение — обращение бесчеловечное», которое наносит «серезное психическое или физическое страдание или является унижающим достоинство. Данное преступление является эквивалентным преступлению 'бесчеловечное обращение' как серьезное нарушение Женевских конвенций».

хологические или физические страдания или вред [11; 516] или представляет собой унижающее достоинство обращение [12; 424]; действие совершено против лица, не принимающего участия в военных действиях [13; 186].

Жестокое обращение тесно связано с пытками. Однако умысел в причинении вреда в данном случае доказывать не требуется. Таким образом, тяжесть преступления в случае жестокого обращения не настолько высока, как в случае пыток*.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера как посягательство на человеческое достоинство. В деле *Kunarac (2001)* Судебная камера решила, что *actus reus* преступления — «любое действие или бездействие, которое в общем считается унижением, принижающим достоинство актом или серьезным посягательством на человеческое достоинство». *Mens rea* преступления не требует наличия у преступника специального намерения выставить жертву на посмешище, однако необходимо, чтобы преступник осознавал, что его акт может к этому привести.

По мнению Судебной камеры, посягательство на человеческое достоинство требует, чтобы акт, совершенный подозреваемым или с его участием, в общем считается влекущим за собой унижение, принижающим достоинство актом или серьезным посягательством на человеческое достоинство, и подозреваемый знал, что его акт или бездействие могут к такому привести [14; 514].

Изнасилование, принудительное раздевание, принуждение жертвы танцевать обнаженной могут считаться «посягательством на человеческое достоинство» [15; 766-774]. Судебная камера отметила, что доказывать специальное намерение унизить не требуется, достаточно, что обвиняемый знает, что его действия могут привести к унижению жертвы.

Изнасилование и насильственные действия сексуального характера как пытки. Судебное преследование сексуального насилия как пыток впервые было предпринято в МТБЮ. В международном гуманитарном праве не было определения пыток, и Трибуналу пришлось обратиться к положениям международного права о правах человека. Были выделены следующие признаки преступления: причинение в результате действия или бездействия сильной боли или страдания, физического или психического; данное действие или бездействие должно быть умышленным; оно должно быть направлено на получение информации или признания от жертвы, наказание жертвы, запугивание или принуждение жертвы или третьего лица по любой другой причине, основанной на дискриминации любого характера; действие или бездействие должно иметь связь с вооруженным конфликтом; по крайней мере один из совершивших должен быть государственным служащим или действовать не как частное лицо, например, как представитель государственного органа *de facto* или в любом другом качестве, дающем властные полномочия [16; 162].

* Преступление «пытки» содержит два материальных отличительных элемента: запрещенная цель и тяжесть преступления. Жестокое обращение не обязательно должно быть совершено с запрещенной целью; не обязательно доказывать тяжесть преступления. Если обвиняемому вменяются пытки и жестокое обращение за одно и то же действие, то это охватывает более легкое обвинение в жестоком обращении и будет содержать только пытки.

Основным элементом пыток является запрещенная цель. Преступление может быть совершено с несколькими целями, «запрещенная цель лишь должна быть частью мотивации определенного поведения и не обязательно являться основной или единственной целью» [17; 470]. Например, если обвиняемый совершил преступление, чтобы удовлетворить свой сексуальный позыв, это не значит, что он при этом не ставил своей целью получение информации от жертвы.

В деле *Celebici* обвиняемому Деличу вменялось нарушение ст.ст. 2 и 3 за изнасилование. Суд признал, что в дополнение к физическим последствиям, которые влечет за собой изнасилование, необходимо рассматривать и психологические и социальные последствия [17; 486]. Судебная камера решила, что «изнасилование не только причиняет серьезную боль и страдания (как физические, так и психологические) и осложняется социальными и культурными условиями, оно само по себе является отвратительным деянием, которое затрагивает самую суть человеческого достоинства и физической неприкосновенности» [17; 495].

Судебная камера также установила, что Делич пытался запугать жертву, чтобы она предоставила информацию о своем муже, а также пытался наказать ее за действия мужа. Делич пытался создать атмосферу страха и беспомощности. Более того, жертва подверглась изнасилованию, так как была женщиной (что считается «запрещенной целью») [17; 493]. Специальный Докладчик ООН сослался на тот факт, что Комитет по устранению всех форм дискриминации по отношению к женщине признал, что жестокость, направленная против женщины по причине того, что она женщина, в том числе действия, которые влекут за собой физический, психический или половой вред или страдание, являются формой дискриминации, значительно ограничивающей права и свободы женщины [17; 941]. В деле *Kvocka* (2001) МТБЮ установил, что угроза пыток, убийства или изнасилования может являться пыткой. Увечья сами по себе являются пытками. Принуждение жертвы наблюдать за изнасилованием также является пыткой [18; 267].

При рассмотрении пыток как военного преступления и преступления против человечности Судебная камера пришла к выводу, что «обычное международное право не требует, чтобы преступление было совершено *исключительно* с запрещенной целью, такой как дискриминация. Запрещенная цель должна быть только частичным, а не основным и не единственным мотивом поведения» [18; 816].

Заключение. Решения МТБЮ стали одним из достижений современных международных уголовных трибуналов: в частности, они позволили считать изнасилования и насильственные действий сексуального характера не менее серьезными преступлениями, чем убийства и пытки, и послужили основой для более детальных положений Статута МУС. По мнению вице-президента МУС, г-жи Э. Одис-Бенито, решения МТБЮ и МУТР стали «ключевым фактором, определившим включение сексуального насилия как военного преступления в Римский Статут» [19; 171]. Ст. 7 Статута МУС (преступления против человечности) запрещает «изнасилование, сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительную беременность, принудительную стерилизацию или любую другую форму сексуального насилия сопоставимой тяжести», а также по гендерным мотивам. В ст. 8 (военные преступления) запрещаются «ХХII. ... изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение

к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также являющиеся грубым нарушением Женевских конвенций» [20]. Впервые в международном договоре появился эксплицитный запрет сексуального рабства, принудительной беременности, гендерно-обусловленного преследования, как и кодификация изнасилования как «военного преступления».

Таким образом, индивидуальные судебные решения по конкретным делам стали отправной точкой формирования новых норм международного права. Это один из примеров того, что динамизм современной жизни определяет необходимость и более динамичных способов развития международного права [21; 704-706], [22; 125]. Традиционно такое развитие связывалось и связывается в конечном итоге с подготовкой и заключением международных договоров. Вместе с тем известно, что заключения договоров в ряде важнейших сфер приходится ожидать годами и даже десятилетиями в силу политических, идеологических и иных причин. Поэтому более скорому формированию правовых норм и динамичному развитию международного права могут реально способствовать иные формы — резолюции международных организаций и конференций, решения международных судов и трибуналов, «мягкое право». Подобные акты и документы, имеющие изначально рекомендательный характер или будучи обязательными только для конкретных сторон и лиц, могут приобретать в итоге и правосозидающий эффект.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Askin, K.D. Prosecuting Wartime Rape and Other Gender-Related Crimes Under International Law: Extraordinary Advances, Enduring Obstacles // Berkeley Journal of International Law. Vol. 21. № 2. P. 288-352.
2. Устав МТБЮ. URL: <http://www.un.org/icty/legaldoc-e/index.htm>, дата обращения 31.11.2011.
3. Sellers, P., Okuizumi, K. International Prosecution of Sexual Assaults // Transnational Law and Contemporary Problems. 2001. Vol. 7. P. 46-80; Brouwer, A.L.M. Supranational Criminal Prosecution of Sexual Violence. The ICC and the Practice of the ICTY and the ICTR. School of Human Rights Research Series. Vol. 20. The Hague: Intersentia, 2005.
4. Mettraux, G. International Crimes and the ad hoc Tribunals. Oxford: Oxford University Press, 2005.
5. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997.
6. Nelaeva, G. Prosecution of Rape and Sexual Assaults as International Crime. Explaining Variations. PhD thesis. Central European University. 2007.
7. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997.
8. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A. Appeal Judgement. 15 July 1999.
9. Prosecutor v. Zeynil Delalic et al., Celebici. Case no. IT-96-21-T, Judgement, 16 November 1998.
10. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997.
11. Prosecutor v. Radislav Krstic, "Srebrenica-Drina Corps". Case No. IT-98-33. 2 August 2001.
12. Prosecutor v. Miroslav Kvočka et al., Case No. IT-98-30/1. 2 November 2001.
13. Prosecutor v. Tihomir Blaskic, Case No. IT-95-14-T, Judgement, 3 March 2000.

14. Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic, Case No. IT-96-23-T, Judgement, 22 February 2001.
15. Prosecutor v. Anto Furundzija, Case No. IT-95-17/1-T, Judgement, 10 December 1998.
16. Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic, Case No. IT-96-23-T, Judgement, 22 February 2001.
17. Prosecutor v. Zejnil Delalic et al., Celebici. Case no. IT-96-21-T, Judgement, 16 November 1998.
18. Prosecutor v. Miroslav Kvocka et al., Case No. IT-98-30/1. 2 November 2001.
19. Odio-Benito, E. "Sexual Violence as a War Crime." In Pablo Antonio Fernandez-Sanchez (ed.). *The New Challenges of Humanitarian Law in Armed Conflicts*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005.
20. Rome Statute of the International Criminal Court, U.N. Doc. A/CONF.183/9. URL: <http://www.un.org/law/icc/statute/romefra.htm>, дата обращения 05.01.2013.
21. Marochkin, S.Yu. On the Recent Development of International Law: Some Russian Perspectives // *Chinese Journal of International Law* (Oxford Journal). 2009. Vol. 8. No. 3. P. 695-714.
22. Марочкин С.Ю. Международное право: 60 лет после создания ООН // *Журнал российского права*. 2006. № 3. С. 121-130.

REFERENCES

1. Askin, K.D. Prosecuting Wartime Rape and Other Gender-Related Crimes Under International Law: Extraordinary Advances, Enduring Obstacles. *Berkeley Journal of International Law*. Vol. 21. № 2. P. 288-352.
2. *Ustav MTBJu* (ICTY Statute). Available at: <http://www.un.org/icty/legaldoc-e/index.htm> (date of access 31.11.2011) (in Russian).
3. Sellers, P., Okuizumi, K. International Prosecution of Sexual Assaults. *Transnational Law and Contemporary Problems*. 2001. Vol. 7. P. 46-80; Brouwer, A.L.M. Supranational Criminal Prosecution of Sexual Violence. The ICC and the Practice of the ICTY and the ICTR. School of Human Rights Research Series. Vol. 20. The Hague: Intersentia, 2005.
4. Mettraux, G. International Crimes and the ad hoc Tribunals. Oxford: Oxford University Press, 2005.
5. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997.
6. Nelaeva, G. Prosecution of Rape and Sexual Assaults as International Crime. Explaining Variations. PhD thesis. Central European University. 2007.
7. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997.
8. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A. Appeal Judgement. 15 July 1999.
9. Prosecutor v. Zejnil Delalic et al., Celebici. Case no. IT-96-21-T, Judgement, 16 November 1998.
10. Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-T, Opinion and Judgement, 7 May 1997.
11. Prosecutor v. Radislav Krstic, "Srebrenica-Drina Corps". Case No. IT-98-33. 2 August 2001.
12. Prosecutor v. Miroslav Kvocka et al., Case No. IT-98-30/1. 2 November 2001.
13. Prosecutor v. Tihomir Blaskic, Case No. IT-95-14-T, Judgement, 3 March 2000.
14. Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic, Case No. IT-96-23-T, Judgement, 22 February 2001.
15. Prosecutor v. Anto Furundzija, Case No. IT-95-17/1-T, Judgement, 10 December 1998.

16. Prosecutor v. Dragoljub Kunarac, Radomir Kovac and Zoran Vukovic, Case No. IT-96-23-T, Judgement, 22 February 2001.
17. Prosecutor v. Zejnil Delalic et al., Celebici. Case no. IT-96-21-T, Judgement, 16 November 1998.
18. Prosecutor v. Miroslav Kvočka et al., Case No. IT-98-30/1. 2 November 2001.
19. Odio-Benito, E. "Sexual Violence as a War Crime". In Pablo Antonio Fernandez-Sánchez (ed.). *The New Challenges of Humanitarian Law in Armed Conflicts*. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2005.
20. Rome Statute of the International Criminal Court, U.N. Doc. A/CONF.183/9. Available at: <http://www.un.org/law/icc/statute/romefra.htm> (date of access 05.01.2013).
21. Marochkin, S.Yu. On the Recent Development of International Law: Some Russian Perspectives. *Chinese Journal of International Law (Oxford Journal)*. 2009. Vol. 8. No. 3. P. 695-714.
22. Marochkin, S.Yu. International law: 60 years after the establishment of the UN. *Zhurnal rossijskogo prava — Journal of the Russian law*. 2006. No. 3. P. 121-130 (in Russian).